Гардей Блудович

В стольном было городе во Киеве,
У ласкова асударь-князя Владимера,
Было пированье-почестной пир,
Было столование-почестной стол;
Много было у князя Владимера
Князей и бояр и княженецких жен.
Пригодились тут на пиру две честны́я вдовы́:
Первая вдова — Чесовая жена,
А другая вдова — то Блудова жена,
Обе жены богатыя,
Богатыя жены дворянския.
Промежу собой сидят за прохлад говорят.
Что взговорит тут Блудова жена:
«Гой еси ты, Авдотья Чесовая жена!
Есть у тебе девять сыновей,
А девять сыновей, как ясных соколов,
И есть у тебе дочь возлюбленна,
Молода Авдотья Чесовична,
Та ведь девица как лебедь белая;
А у меня, у вдовы, Блудовы жены,
Един есть сын Горден как есен сокол,
Многия пожитки осталися ему
От своего родимаго батюшка;
Ноне за прохлад за чужим пирком
Молвим словечко о добром деле — о сватонье:
Я хощу у тебя свататься
За молода Гордена Блудовича
Дочь твою возлюбленну Авдотью Чесовичну».
Втапоры Авдотья Чесова жена
На то осердилася,
Била ее по щеке,
Таскала по полу кирписчету
И при всем народе, при беседе,
Вдову опазорела,
И весь народ тому смеялися.

Исправилась она, Авдотья Блудова жена,
Скоро пошла ко двору своему,
Идет ко двору, шатается,
Сама больно закручинилася.
И завидел Горден сын Блудович,
Скоро он метался с высока терема,
Встречал за воротами ее,
Поклонился матушке в праву ногу:
«Гой еси, матушка!
Что ты, сударыня, идешь закручинилася?
Али место тебе было не по вотчине?
Али чаром зеленом вином обносили тебе?».
Жалобу приносит матера вдова,
Авдотья Блудова жена,
Жалобу приносит своему сыну Гордену Блудовичу:
«Была я на честнóм пиру
У великова князя Владимера,
Сидели мы с Авдотьей Часовой женой,
За прохлад с нею речи говорили
О добром деле — о сватонье,
Сваталась я на ее любимой на дочери Авдотьи Часовичне
За тебе, сына, Гордена Блудовича.
Те ей мои речи не взлюбилися,
Била мене по щеке
И таскала по полу кирписчетому,
И при всем народе на пиру обе(сч)естила».
Молоды Горден сын Блудович
Уклал спать свою родимую матушку:
Втапоры она была пьяная.
И пошел он на двор к Чесовой жене,
Сжимал песку горсть целую,
И будет против высокова терема,
Где сидит молода Авдотья Чесовична,
Бросил он по высоком терему —
Полтерема сшиб, виноград подавил.
Втапоры Авдотья Чесовична
Бросилась, будто бешеная, из высокова терема,
Середи двора она бежит,
Ничего не говорит,

Пропустя она Гордена сына Блудовича,
Побежала к своей родимай матушке
Жаловатися на княженецкой пир.
Втапоры пошел Горден на княженецкой двор
Ко великому князю Владимеру
Рассматривать вдову, Чесову жену.
Та || вдова, Чесова жена,
У великова князя сидела на пиру за убраными столы.
И тут молоды Горден выходил назад,
Выходил он на широкой двор,
Вдовины ребята с ним заздорели;
А и только не все оне пригодилися,
Пригодилось их тут только пять человек,
Взяли Гордена пощипавати,
Надеючи на свою родимую матушку.
Молоды Горден им взмолится:
«Не троните мене, молодцы!
А меня вам убить, не корысть получить!».
А оне тому не веруют ему,
Опять приступили к нему,
И он отбивался и метался от них,
И прибил всех тут до единова.
Втапоры донесли народ киевской
Честной вдове, Часовой жене,
Что молоды Горден Блудович
Учинил драку великую,
Убил твоих детей до́ смерти.
И посылала она, Часова жена,
Любимых своих четырех сыновей
Ко тому Гордену Блудовичу,
Чтоб он от того не убрался домой,
Убить бы ево до́ смерти.
И настигли ево на широкой улице,
Тут обошли вкруг ево,
Ничего с ним не говорили,
И только один хотел боло ударить по́ уху,
Да не удалось ему:
Горден верток был, —
Тово он ударил о́ землю

И ушиб ево дó смерти;
Другой подвернется — и тово ушиб,
Третей и четвертой кинулися к нему —
И тех всех прибил дó смерти.
Пошел он, Горден, к Авдотьи Чесовичне,
Взял ее за белы руки
И повел ко божьей церкви,
С вечернями обручается,
Обручался и обвенчался с ней и домой пошел.
Поутру Горден стол собрал,
Стол собрал и гостей позвал,
Позвал тут князя со княгинею
И молоду свою тещу, Авдотью Чесовую жену.
Втапоры боло честна вдова, Чесовая жена, загорденелася,
Не хотела боло идти в дом к зятю своему,
Тут Владимер-князь стольной киевской и со княгинею
Стали ее уговаривати,
Чтобы она на то больше не кручинилася,
Не кручинилася и не гневалася.
И она тут их послушела,
Пришла к зятю на веселой пир.
Стали пити, ясти, прохложатися.

(Записано около середины XVIII в.)

Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977.